

Д

ушно. Нечем дышать. Кажется, еще немного, и ты потеряешь сознание. Возможно, периодами так и было — я помню, как проваливался куда-то в небытие. Форма насквозь промокла от пота, словно я занырнул в воду, и пот выедал глаза, солеными каплями стекал по лицу, по рукам...

БМП страшно трясло, отчего каждый, сидевший в десантном отсеке, бился головой о бронированные стены машины. Казалось, мешало все: каска, автомат, форма, бронежилет. После тех учений я вытащил свой военный билет, который превратился в мокрую книжонку с расплывшимися печатями, но это было потом, а пока нас трясло в раскаленной горячим июльским воздухом боевой машине пехоты. И помимо жары добавлялось еще и то, что меня всегда укачивало в отсеке для пехоты, а на мое командирское место, как назло, сел взводный. Тошнило, но вырвать не мог, так как в желудке было пусто, только спазмы мучали. В итоге вся вода из фляжки была выпита, и ее не осталось ни у кого, разве что у офицеров, а ведь предстояло мчаться в раскаленной машине еще часа полтора, как минимум, а потом рыть окопы, маскировать ненавистные БМП, и все это без капли воды.

Наконец машина остановилась. С трудом мы выползли из отсеков, еле живые,

замученные, кто-то даже потерял сознание. В голове никаких мыслей, только хочется пить. Воздух ударил в лицо, мы жадно хватали его ртами, пили этот раскаленный июльский воздух, словно он отдавал морозной свежестью, но счастье продолжалось недолго. Оказалось, то был не конец мучениям, а просто вынужденная техническая остановка. Я старался надышаться, напиться воздухом, но пришлось снова лезть в душный, раскаленный отсек. И вновь затрясло, и вновь голова бессильно застучала о броню машины.

Я уже не понимал, сколько времени прошло, помню только, как на автомате вывалился из отсека, когда БМП, в конце концов, остановилась. Но радость оказалась недолгой: нам приказали рубить деревья, чтобы замаскировать машины, и копать окопы, ведь здесь предстояло пробыть до следующего утра. До следующего утра! Без воды! А ведь сейчас только первая половина дня!..

Казалось, что силы вообще покинули тело. Я не понимал, как еще хожу, как рублю саперной лопаткой упрямые ветки. Хотелось пить, пить хотелось ужасно, и с каждым часом жажда все обострялась. Самое плохое то, что ты же не просто сидел в тени, а двигался, потел, таскал, рубил. Жажда настолько усилилась, что думать ни о чем другом было просто невозможно. И это ощущение словами не передать, это не просто хочется пить, это — та ЖАЖДА, о которой нельзя забыть, как оно случается в быту. Не представляю, что чувствовали люди, потерявшиеся в пустыне без капли влаги, ведь даже за тот промежуток времени, что мы оказались наедине с нашей жаждой, мы готовы были за воду сделать все что угодно...

Но вот машины замаскированы и окопы вырыты. Офицеры приказали нам отдыхать под тенью БМП, однако как можно ОТДЫХАТЬ, когда в голове только она — ВОДА!.. Я пытался думать о чем-то другом: о доме, о женщинах, но каждый раз в голову приходили образы рек и водоемов, образы девушек, которые ПЬЮТ ВОДУ... И я снова и снова представлял эту воду, бредил пейзажами водопадов, воображал, как падаю в холодную воду, пью ее, пью и не могу напиться... Губы пересохли и потрескались, во рту комок и сухость, даже слюны не было, и тяжело выдать из себя хоть слово.

С моим наводчиком Андреем мы дорубали последние ветки для нашей машины. Как назло, древесина не поддавалась, а топоров всего два.

— Пить хочу, не могу! — промычал Андрей.

— Если б сидеть спокойно, а то ведь таскаем эти чертовы ветки, будь они неладны, — кивнул я.

— Слышь! — Андрей повернулся ко мне. — Идем к взводу обеспечения, вон их «КамАЗы» стоят, — показал он на рожицу, в которой укрылись машины отдельного взвода обеспечения. — У них сто пудов должна быть вода.

Появилась надежда, хотя сейчас-то понимаю, что никто бы не стал со мной делиться такой драгоценностью.

Мы подошли к одному из «КамАЗов», из которого как раз вылезал контрактник.

— Слушай, друг, — обратился я к нему, — у тебя воды нет, хоть немного?

— Не, нет, — хмуро отозвался тот.

Разочарованные, мы побрели обратно к деревьям.

— Похоже, врет, — предположил я.

— Наверное, — отозвался наводчик. — Да он бы не дал, даже если б и была...

Вскоре выяснилось, что вода есть у офицеров: они ездили за ней, привезли канистры, оставили себе большую часть, а нам раздали по половине кружки, но от этих жалких капель даже сухость во рту не исчезла. Когда один из солдат моего отделения поехал за едой в лагерь, мы попросили его раздобыть хоть фляжку воды.

Вечерело. Привезли ужин, которому никто не был рад, так как на всех не хватило... чая, как нам сообщил кто-то из офицеров. Но даже сил возмущаться не было. Я побрел за своей порцией ужина, однако, услышав, что чая все равно нет, повернул назад.

— Почему за ужином не идешь? — услышал вдруг за спиной.

— А чего идти, если чая нет, — буркнул я.

— Как нет? Есть, беги скорей!

Я помчался к кухне, но... следующая новость была уже форменным издевательством — оказывается, тот офицер ошибся: чая хватило бы, если б мы подошли чуть раньше.

— Ну, а где тебя носило? Особое приглашение требовалось?! — сердито рыкнул на меня взводный, молодой лейтенант с детским лицом.

Огрызаться не было ни сил, ни желания. Я забрал свою порцию ужина, но есть не стал, только выпил всю жижу кислого противного борща.

Наконец вернулся рядовой Гарин, которого мы просили принести воды.

— Увидели фляжки, еле смылся, думал — разорвут, — сообщил он.

— Сколько принес? — спросил я.

— Да вот. — Он достал фляжку.

Воду разделили по глотку между всеми, но что с этого глотка толку.

— А у офицеров ведь вода есть, — показал головой мой механик-водитель.

— С чего ты взял? — уныло вздохнул я.

— Один из наших ездил с ними за водой. Они лишнюю флягу привезли — себе.

И мне стало противно. Противно из-за того, что я ощутил себя каким-то «черным», «неприкасаемым» сродни солдату-срочнику. А ведь те же взводные сами были еще мальчишками, но мальчишками, окончившими военные училища и пришедшими в армию с невероятным чувством гордости и превосходства. Многие же в моей роте были уже далеко не школярами: кто-то окончил вуз, кто-то работал. А некоторые даже были офицерами, только в других силовых структурах, звания в которых считались специальными, но не воинскими, а значит, в армии они служили простыми рядовыми и сержантами.

— Может, вырыть яму и плащ-палатку положить? — пришло вдруг мне в голову. — Ведь утром выпадает роса, есть шанс, что вода соберется.

— Вряд ли, — засомневался наводчик, — хотя... давайте попробуем.

Копать вызвался наш пулеметчик, имени которого я уже не помню. Он был высокий и худой, с юношеским лицом; пришел к нам после зенитной учебки. Запомнился он мне тем, что, несмотря на столь юный, даже нежный облик, неоднократно проявлял себя волевым парнем.

Яма была вырыта, и в ней расстелили плащ-палатку. Мы, наивные, в тот момент верили, что вода там появится уже ночью.

Окончился день мучений. Потянулась ночь мучений. Из-за жажды никто толком и глаз не сомкнул. Вот когда я понял, что самое трудное — терпеть жажду. Можно много разглагольствовать о моральных муках, но попробуйте-ка побыть без воды. Голод, нехватка сна — все это можно терпеть куда дольше, чем отсутствие воды, особенно если на улице раскаленный июль, а вы еще и на ногах, что-то делаете, что-то рубите, что-то таскаете...

Наступило утро и новый день жары. Воды в яме так и не набралось, а уезжать мы еще не собирались. В ожидании драгоценной команды «По машинам!» сидели под БМП, мечтая о воде. В голову опять лезли видения холодных струй, горных водопадов, хрустально чистых рек и озер, и я снова падал в них, снова плыл и пил, нырял и пил, пил, пил...

Но, наконец, мы поехали, снова трясясь в машинах. Приехали в наш лагерь и бросились к бочкам с ржавой водой для технических нужд.

Как безумные, мы пили, пили и не могли напиться. И вкуснее той воды я никогда больше не пробовал.

Да, наверное, уже и не попробую.

